

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ
Александр Дюма
Графиня де Монсоро

Читай и понимай без словаря

Александр Дюма

Графиня де Монсоро.

Англо-русская билингва

<https://litres.ru/74537913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите читать исторические романы на английском с переводом?

Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не ищете слова в словаре, не путаетесь в сюжете и не теряете нить. Просто читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Графиня де Монсоро» — роман Александра Дюма о любви, ревности и придворных интригах. Здесь есть дуэли, заговоры, тайны и страсти, которые сильнее разума. Сюжет держит в напряжении, и вы не замечаете, как английский становится понятнее с каждой страницей.

Читайте про себя, чтобы привыкнуть к языку. Читайте вслух, чтобы слышать английскую речь и снимать языковой барьер. Каждое прочитанное предложение — маленький шаг к свободному чтению.

А если кто-то скажет, что сначала нужно выучить грамматику, вспомните: по-русски мы заговорили раньше, чем узнали, что «жи» и «ши» пишутся с буквой «и».

Содержание

Глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Дюма Графиня де Монсоро. Англо-русская билингва

Глава

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ
Александр Дюма
Графиня де Монсоро

Хотите читать исторические романы на английском с переводом?

Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не ищете слова в словаре, не путаетесь в сюжете и не теряете нить. Просто читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Графиня де Монсоро» — роман Александра Дюма о любви, ревности и придворных интригах. Здесь есть дуэли, заговоры, тайны и страсти, которые сильнее разума. Сюжет держит в напряжении, и вы не замечаете, как английский становится понятнее с каждой страницей.

Читайте про себя, чтобы привыкнуть к языку. Читайте вслух, чтобы слышать английскую речь и снимать языковой барьер. Каждое прочитанное предложение — маленький шаг к свободному чтению.

А если кто-то скажет, что сначала нужно выучить грамматику, вспомните: по-русски мы заговорили раньше, чем узнали, что «жи» и «ши» пишутся с буквой «и».

© Самойлов А.Г., 2026г.

Alexandre Dumas Александр Дюма
Countess de Monsoreau Графиня де Монсоро

Part One Часть первая

I Wedding of Saint-Luc I Свадьба Сен-Люка

On the last Sunday of Carnival 1578, after the public festivities, when the noisy daytime merriment was dying down on the streets of Paris, a magnificent celebration began in the luxurious palace that had just been built on the banks of the Seine, almost opposite the Louvre, for the illustrious family of Montmorency, who, having become related to the royal house, were not inferior in their way of life to the princes. В последнее воскресенье масленицы 1578 года, после народного гулянья, когда на парижских улицах затихало шумное дневное веселье, в роскошном дворце, только что возведенном на берегу Сены, почти напротив Лувра, для прославленного семейства Монморанси, которое, породнившись с королевским домом, по образу жизни не уступало принцам, началось пышное празднество. This family celebration, which followed the public amusements, was arranged on the occasion of the marriage of François d'Epinaÿ de Saint-Luc, confidant and favorite of King Henry III, with Jeanne de Cossé-Brissac, daughter of de Cossé-Brissac. Сие семейное торжество, следовавшее за публичными увеселениями, было устроено по случаю бракосочетания Франсуа д'Эпине де Сен-Люка, наперсника и любимца короля Генриха III, с Жанной де Коссе-Бриссак, дочерью де Коссе-Бриссака.

The wedding dinner was given in the Louvre, and the king, who had consented to the marriage with the greatest reluctance,

appeared at the table with a gloomy expression, completely unbecoming for such an occasion. Свадебный обед был дан в Лувре, и король, который с величайшей неохотой согласился на этот брак, явился к столу с мрачным выражением лица, совершенно неподобающим для такого случая. And the king's attire was appropriate: Henry was dressed in a dark brown suit, the same one in which Clouet depicted him in the painting depicting the wedding of Joyeuse. Да и наряд короля был соответствующий: Генрих был облачен в темно-коричневый костюм, тот самый, в котором его написал Клуэ на картине, изображающей свадьбу Жюаеза. At the sight of this sullen majesty, this king, resembling his own ghost, the guests were frozen with fear; the heart of the young bride was especially painful, as the king looked at her with obvious disapproval. При виде этого угрюмого величия, этого короля, похожего на собственный призрак, гости цепенели от страха; особенно сильно сжималось сердце у юной новобрачной, на которую король взирал с явным неодобрением.

However, the king's frowning brows in the midst of the wedding feast seemed to surprise no one; everyone knew that the reason lay in one of those palace secrets that are best avoided, like underwater reefs, a collision with which threatens inevitable shipwreck. Однако насупленные в разгаре брачного пира брови короля, казалось, ни у кого не вызывали удивления; все знали, что причина кроется в одной из тех дворцовых тайн, что лучше обходить стороной, как подводные рифы, столкно-

вание с которыми грозит неминуемым кораблекрушением.

The king had barely waited for the dinner to end before he jumped up abruptly, and all the guests, willy-nilly, were forced to follow his example; even those who had whispered their desire to remain at the banquet table rose. Едва дождавшись окончания обеда, король порывисто вскочил, и всем гостям волей-неволей пришлось последовать его примеру; поднялись даже те, кто шепотом высказывал желание еще побыть за пиршественным столом.

Then Saint-Luc, looking long into his wife's eyes, as if wishing to draw courage from them, approached his master. Тогда Сен-Люк, долгим взглядом посмотрев в глаза жены, словно желая почерпнуть в них мужество, приблизился к своему господину.

“Sire,” he said, “would Your Majesty be so kind as to listen to the violins this evening and grace with your presence the ball which I wish to give in your honor at the Palace of Montmorency?” — Государь, — сказал он, — не соблаговолят ли ваше величество послушать нынче вечером скрипки и украсить своим присутствием бал, который я хочу дать в вашу честь во дворце Монморанси?

Henry III turned to the newlywed with a mixture of anger and annoyance, but Saint-Luc bowed so low before him, his face was so humble, and his voice was so pleading, that the king softened. Генрих III повернулся к новобрачному со смешанным чувством гнева и досады, но Сен-Люк склонился перед ним так

низко, на лице его было написано такое смирение, а в голосе звучала такая мольба, что король смягчился.

“Very well, sir,” he replied, “we will come, although you do not at all deserve such proof of our favor. — Хорошо, сударь, — ответил он, — мы приедем, хотя вы отнюдь не заслуживаете подобного доказательства нашей благосклонности.

Then the former Mademoiselle de Brissac, now Madame de Saint-Luc, respectfully thanked the king, but Henry turned away without deigning to answer her. Тогда бывшая девица де Бриссак, отныне госпожа де Сен-Люк, почтительно поблагодарила короля, но Генрих отвернулся, не удостоив ее ответа.

“What offense have you committed against the king, Monsieur de Saint-Luc?” — Чем вы провинились перед королем, господин де Сен-Люк? Jeanne asked her husband. — спросила Жанна у своего мужа.

“My dear, I will tell you everything later, when this storm cloud clears.” — Моя дорогая, я все расскажу вам потом, когда эта грозовая туча рассеется.

- Will it dissipate? — А она рассеется?

“It must,” answered Saint-Luc. — Должна, — ответил Сен-Люк.

The newlywed had not yet become accustomed to the position of a lawful wife and did not dare to insist; she hid her curiosity in the deep recesses of her heart and promised herself to continue the conversation at another, more favorable moment, when she could dictate her conditions to Saint-Luc without fear that he

would reject them. Новобрачная еще не освоилась с положением законной супруги и не решилась настаивать; она запрятала любопытство в глубокие тайники сердца и дала себе слово продолжить разговор в другую, более благоприятную минуту, когда она сможет продиктовать свои условия Сен-Люку, не опасаясь, что он их отвергнет.

So, on the evening when the story we are about to tell our readers begins, the arrival of Henry III was awaited at the Palace of Montmorency. Итак, в тот вечер, когда начинается история, которую мы собираемся поведать нашим читателям, во дворце Монморанси ожидали прибытия Генриха III. But eleven o'clock had already struck, and the king was still not there. Но пробило уже одиннадцать часов, а короля все еще не было.

Saint-Luc invited to the ball all who were counted among his friends or the friends of the king. Сен-Люк пригласил на бал всех, кто числился в его друзьях или друзьях короля. In addition, he sent out invitations to the princes and the favorites of the princes, beginning with the confidants of our old acquaintance, the Duke of Alençon, whom the accession of Henry III to the royal throne made Duke of Anjou. Кроме того, он разослал приглашения принцам и фаворитам принцев, начиная с приближенных нашего старого знакомого, герцога Алансонского, которого восшествие на королевский престол Генриха III сделало герцогом Анжуйским. But the Duke did not consider it necessary to appear at the wedding dinner in the

Louvre and, in all likelihood, did not intend to attend the wedding ball at the Palace of Montmorency. Но герцог не считал нужным появиться на свадебном обеде в Лувре и, по всей видимости, не собирался присутствовать на свадебном балу во дворце Монморанси.

The King of Navarre and his wife were not in Paris: they, as readers of our previous novel know, fled to Béarn and there led the Huguenot troops, who offered open resistance to the king. Короля Наваррского и его супруги в Париже не было: они, как известно читателям нашего предыдущего романа, спаслись бегством в Беарн и там возглавили войска гугенотов, оказывавшие открытое сопротивление королю.

The Duke of Anjou, as was his usual custom, was also among the discontented, but his discontent was hidden and unnoticeable; the Duke invariably tried to keep to the back of the line, pushing forward those nobles from his entourage who had not been sobered by the terrible fate of La Mole and Coconnas, whose execution, undoubtedly, is still fresh in the memory of our readers. Герцог Анжуйский, по своему всегдашнему обыкновению, тоже ходил в недовольных, но недовольство его было скрытым и незаметным; герцог неизменно старался держаться в задних рядах, выталкивая вперед тех дворян из своего окружения, кого не отрезвила ужасная судьба Ла Моля и Коконнаса, чья казнь, несомненно, еще жива в памяти наших читателей.

It goes without saying that the Duke's supporters and the

King's supporters were in a state of bad peace: at least two or three times a month duels broke out between them, and only in the rarest of cases did the matter go without anyone being killed or, at least, seriously wounded. Само собой разумеется, приверженцы герцога и сторонники короля пребывали в состоянии дурного мира: не менее двух-трех раз в месяц между ними завязывались дуэли, и только в редчайших случаях дело обходилось без убитых или, по меньшей мере, без тяжело раненых.

As for Catherine de Medici, the queen mother's most cherished wish had been fulfilled: her beloved son had attained the throne she had so long dreamed of for him, or rather, for herself; now she reigned, hiding behind his name, showing with her whole appearance and behavior that in this mortal world she was occupied only with worries about her health and that nothing else troubled her. Что до Екатерины Медичи, то самое заветное желание королевы-матери исполнилось — ее любимый сын достиг трона, о котором она так мечтала для него, а вернее сказать, для самой себя; теперь она царствовала, прикрываясь его именем, всем своим видом и поведением показывая, что в сем бренном мире занята только заботами о своем здоровье и ничто другое ее не беспокоит.

Saint-Luc, alarmed by the ominous absence of the king and the princes, tried to reassure his father-in-law, who was deeply distressed. Сен-Люк, встревоженный не сулящим ничего доброго отсутствием короля и принцев, пытался успокоить сво-

его тестя, который был огорчен до глубины души. Convinced, like the entire court, that King Henry and Saint-Luc were closely connected by friendly ties, the marshal hoped to become related to the source of good deeds, and - lo and behold! Убежденный, как, впрочем, и весь двор, что короля Генриха и Сен-Люка связывают тесные дружеские узы, маршал рассчитывал породниться с источником благодетелей, и — вот тебе на! - everything turned out the opposite: his daughter married the walking embodiment of the king's disfavor. — всевышло наоборот: его дочь сочеталась браком с ходячим воплощением королевской немилости. Saint-Luc tried in every way to instill in the old man a confidence that he himself did not feel, and his friends - Maugiron, Schomberg and Quelus, dressed to the nines, unnaturally straight in their magnificent doublets, with enormous ruffs on which their heads rested as if on a platter, only added fuel to the fire with jokes and ironic condolences. Сен-Люк всячески пытался внушить старику уверенность, которой сам не испытывал, а его друзья — Можирон, Шомберг и Келюс, разодетые в пух и прах, неестественно прямые в своих великолепных камзолах, с огромными брыжами, на которых голова покоилась, как на блюде, шуточками и ироническими соболезнованиями лишь подливали масла в огонь.

“My God!” — Боже мой! “Our poor friend,” Jacques de Levy, Count of Caelus, commiserated with Saint-Luc, “you are in a bad way. Наш бедный друг, — соболезновал Сен-Люку Жак де Леви, граф де Келюс, — плохо твое дело. The King is

angry with you for neglecting his advice, and the Duke of Anjou is angry with you for not showing due respect to his nose. Король на тебя сердится за то, что ты пренебрег его советами, а герцог Анжуйский — за то, что ты не выказал должного почтения к его носу.

“Well, no,” objected Saint-Luc. — Ну нет, — возразил Сен-Люк. “You are mistaken, Celus, the king did not come because he went on a pilgrimage to the Franciscan monastery in the Vincennes forest, and the Duke of Anjou did not come because he fell in love with some lady whom I, as luck would have it, did not invite.” — Ошибаешься, Келюс, король не пришел потому, что отправился на богомолье во францисканский монастырь в Венсенском лесу, а герцог Анжуйский — потому, что влюбился в какую-нибудь даму, которую я, как на грех, обошел приглашением.

“Go on,” replied Maugiron. — Рассказывай, — возразил Можирон. “Did you see the face the king made at dinner?” — Видел, какую мину скорчил король на обеде? But a man who is thinking about whether to take up his staff and go on a pilgrimage sometimes has a benevolent, touched expression on his face. А ведь у человека, который раздумывает, не взять ли ему посох и не пойти ли на богомолье, и выражение лица бывает благостное, умиленное. And what about the Duke of Anjou? Ну а герцог Анжуйский? Even if some personal matters prevented him from coming, as you claim, where have his Angevins gone, where is even one of them? Пусть ему по-

мешали прийти какие-то личные дела, как ты утверждаешь, но куда же делись его анжуйцы, где хотя бы один из них? Look around — complete emptiness, even that braggart Bussy did not deign to show up. Оглянись вокруг — полнейшая пустота, даже этот бахвал Бюсси не соизволил явиться.

“Ah, gentlemen,” said Marshal de Brissac, shaking his head sadly, “how this all looks like disgrace! — Ах, господа, — сказал маршал де Бриссак, сокрушенно качая головой, — как все это смахивает на опалу! My Lord God! Господи Боже мой! Is it possible that His Majesty is angry with our house, always so devoted to the crown?” Неужто его величество разгневался на наш дом, всегда такой преданный короне?

And the old courtier raised his hands mournfully to heaven. И старый царедворец скорбно воздел руки горе.

The young men looked at Saint-Luc, bursting into laughter; their cheerful mood did not calm the old marshal at all, but only deepened his despair. Молодые люди смотрели на Сен-Люка, заливаясь смехом; их веселое расположение духа отнюдь не успокаивало старого маршала, а лишь усугубляло его отчаяние.

The young bride, thoughtful and focused, was tormented by the same question as her father: how could Saint-Luc have angered the king? Юная новобрачная, задумчивая и сосредоточенная, мучилась тем же вопросом, что и ее отец: чем мог Сен-Люк прогневать короля?

Saint-Luc himself, of course, knew what he was guilty of,

which is why he was more worried than anyone else. Сам Сен-Люк, конечно, знал, в чем он провинился, именно потому он и волновался больше всех. Suddenly, at one of the doors of the hall, the arrival of the king was announced. Вдруг у одной из дверей залы возвестили о прибытии короля.

“Ah!” — Ax! exclaimed the beaming marshal. — воскликнул просиявший маршал. “Now I am no longer afraid of anything; to be completely happy, I only need to hear about the arrival of the Duke of Anjou. — Теперь мне уже ничего не страшно; для полного счастья мне не хватает только услышать о прибытии герцога Анжуйского.

“And I,” muttered Saint-Luc, “am more frightened by the king’s presence than by his absence; he has come here for a reason, he probably wants to play a cruel joke on me, and the Duke of Anjou did not consider it necessary to appear for the same reason.” — А меня, — пробормотал Сен-Люк, — присутствие короля пугает больше, чем его отсутствие; он явился сюда неспроста, наверное, хочет сыграть со мной злую шутку, и герцог Анжуйский не счел нужным явиться по той же причине.

These sad thoughts did not prevent Saint-Luc from rushing to meet his master, who had finally parted with his gloomy brown robe and entered the hall in the flutter of feathers, the shine of silks, and the sparkle of diamonds. Эти невеселые мысли не помешали Сен-Люку устремиться навстречу своему повелителю, который наконец-то расстался с мрачным коричневым

одеянием и вступил в залу в колыхании перьев, блеске шелков, сиянии брильянтов.

But at the very moment when King Henry III appeared at one of the doors, another King Henry III appeared at the opposite door - a complete likeness of the first, dressed in exactly the same way, shod, combed, curled, whitened and rouged. Но в тот самый миг, когда в одной из дверей появился король Генрих III, в противоположной двери возник другой король Генрих III — полное подобие первого, точно так же одетый, обутый, причесанный, завитой, набеленный и нарумяненный. And the courtiers, who had rushed in a crowd to meet the first king, suddenly stopped, like a wave that met a bridge support on its way, and, swirling in a whirlpool, rushed back to the door through which the royal double entered. И придворные, толпой бросившиеся было навстречу первому королю, вдруг остановились, как волна, встретившая на своем пути опору моста, и, закрутившись водоворотом, отхлынули к той двери, в которую вошел королевский двойник.

Before Henry III's eyes, gaping mouths, darting eyes, and figures pirouetted on one leg flashed. Перед глазами Генриха III замелькали разинутые рты, разбегающиеся глаза, фигуры, совершавшие пируэты на одной ноге.

“What does all this mean, gentlemen?” — Что все это значит, господа? asked the king. — спросил король.

The answer was a loud burst of laughter. Ответом был громкий взрыв хохота.

The King, hot-tempered by nature, and at that moment particularly unwilling to be meek, frowned, but then Saint-Luc made his way through the crowd of guests towards him. Король, вспыльчивый по натуре, в эту минуту особенно не расположенный к кротости, нахмурился, но тут сквозь толпу гостей к нему пробрался Сен-Люк.

“Sire,” said Saint-Luc, “there is Chicot, your jester.” — Государь, — сказал Сен-Люк, — там Шико, ваш шут. He is dressed exactly like your majesty, and is now offering his hand to the ladies to kiss. Он оделся точно так же, как ваше величество, и сейчас жалует дамам руку для поцелуя.

Henry III laughed. Генрих III рассмеялся. Chicot enjoyed at the court of the last Valois a freedom equal to that which Triboulet had been granted thirty years before him at the court of Francis I, and that which would be granted forty years later to Langely at the court of King Louis XIII. Шико пользовался при дворе последнего Валуа свободой, равной той, которой был удостоен за тридцать лет до него Трибуле при дворе Франциска I, и той, которая будет предоставлена сорок лет спустя Ланжели при дворе короля Людовика XIII.

The fact is that Chicot was an unusual buffoon. Дело в том, что Шико был необычный шут. Before being called Chicot, he was called de Chicot. Прежде чем зваться Шико, он звался де Шико. A poor Gascon nobleman, he not only dared to enter into a love competition with the Duke of Mayenne, but was also not afraid to get the better of this prince of the blood, for which the

Duke, as they said, inflicted reprisals on him, and Chicot was forced to seek refuge with Henry III. Небогатый гасконский дворянин, он не только дерзнул вступить в любовное соревнование с герцогом Майенским, но и не побоялся взять верх над этим принцем крови, за что герцог, как говорили, учинил над ним расправу, и Шико пришлось искать убежища у Генриха III. For the patronage shown to him by the successor of Charles IX, he repaid by telling the king the truth, no matter how bitter it was. За покровительство, оказанное ему преемником Карла IX, он платил тем, что говорил королю правду, как бы горька она ни была.

“Listen, Master Chicot,” said Henry, “two kings at one ball is too great an honor for the host.” — Послушайте, мэтр Шико, — сказал Генрих, — два короля на одном балу — слишком большая честь для хозяина.

“If that’s the case, then let me play the role of the king as best I can, and you try to portray the Duke of Anjou.” — Коли так, то дозволю мне сыграть роль короля, как сумею, а сам попробуй изобразить герцога Анжуйского. Perhaps they will actually take you for him, and you will hear something interesting or even learn, if not what your brother is planning, then at least what he is doing now. Может, тебя и в самом деле примут за него, и ты услышишь что-нибудь любопытное или даже узнаешь, пусть не то, что твой братец замышляет, но хотя бы то, чем он занят сейчас.

“And indeed,” said the king with obvious displeasure, “my

brother, the Duke of Anjou, is absent.” — Ив самом деле, — сказал король с явным неудовольствием, — мой брат, герцог Анжуйский, отсутствует.

- All the more reason for you to replace him. — Тем более тебе следует его заменить. It is decided - I will be Henry, and you will be François, I will reign, and you will dance, I will show off the whole range of antics befitting royal majesty, and you will have a little fun, poor king. Решено — я буду Генрихом, а ты — Франсуа, я буду царствовать, а ты — танцевать, я выложу весь набор ужимок, подходящих королевскому величию, а ты малость развлечешься, бедный король.

The king's gaze fell on Saint-Luc. Взгляд короля остановился на Сен-Люке.

“You're right, Chico.” — Ты прав, Шико. “I'll take up dancing,” he said. Я займусь танцами, — сказал он.

“How wrong I was to fear the king's wrath,” thought Marshal de Brissac. “Как я ошибался, опасаясь королевского гнева, — подумал маршал де Бриссак. “Quite the contrary, the king is in excellent spirits.” — Совсем наоборот, король в прекрасном расположении духа”.

And he bustled about, showering compliments on all the guests indiscriminately, left and right, and most importantly, not forgetting to praise himself for having managed to find a husband for his daughter, so generously showered with the favors of His Majesty. И он засуетился, расточая комплименты всем гостям без разбору, налево и направо, а главное, не забывая

при этом похвалить и себя за то, что ему удалось подыскать дочери супруга, столь щедро осыпанного милостями его величества.

Meanwhile, Saint-Luc approached his wife. Тем временем Сен-Люк подошел к жене. Jeanne de Brissac was not a striking beauty, but she had charming black eyes, snow-white teeth, an amazing complexion, that is, everything that is collectively called a charming appearance. Жанна де Бриссак не была писаной красавицей, однако она обладала прелестными черными глазами, белоснежными зубами, изумительным цветом лица, то есть всем тем, что в совокупности принято называть очаровательной внешностью.

“Sir,” she turned to her husband, absorbed in the same thought, “explain to me what the king wants from me?” — Сударь, — обратилась она к мужу, поглощенная все той же мыслью, — объясните мне, чего от меня хочет король? Since he has been here, he has not stopped smiling at me. С тех пор как он здесь, он не перестает мне улыбаться.

“But when we were returning from dinner, you said something completely different, dear Zhanna.” — Но, когда мы возвращались с обеда, вы говорили совсем другое, милая Жанна. Then his gaze frightened you. Тогда его взгляд пугал вас.

“His Majesty was in a bad mood then,” said the young woman, “but now... — Тогда его величество был в дурном настроении, — сказала молодая женщина, — ну а теперь...

“It’s even worse now,” interrupted Saint-Luc. — Теперь

еще хуже, — прервал ее Сен-Люк. “The King laughs without moving his lips. — Король смеется не разжимая губ. I would rather see his teeth. Я предпочел бы видеть его зубы. Jeanne, my poor thing, the King has prepared some vile surprise for us. Жанна, бедняжка моя, король приготовил для нас какой-то подлый сюрприз. Oh, don’t look at me so tenderly, I beg you, turn your back on me instead! О, не глядите на меня так нежно, умоляю вас, лучше повернитесь ко мне спиной! Look, Mogiron is approaching us at the right moment. Смотрите, к нам весьма кстати приближается Можирон. Keep him close to you, caress him, caress him. Удержите его возле себя, приглубьте, приласкайте его.

“You know, sir,” Jeanne smiled, “you are giving me rather dubious advice, and if I follow it exactly, they might think...” — Знаете, сударь, — улыбнулась Жанна, — вы даете мне довольно сомнительный совет, и, если я в точности ему последую, могут подумать...

“Ah,” sighed Saint-Luc, “well, let them think about it.” — Ах, — вздохнул Сен-Люк, — ну и пусть подумают. It would be simply wonderful if they thought about it. Просто прекрасно будет, если подумают.

And, leaving his wife in complete confusion, he went to please Chicot, who was enthusiastically puffing himself up, pretending to be a king, and with his grimaces caused general merriment. И, оставив супругу в полной растерянности, он отправился ублажать Шико, который увлеченно пыжился, изображая ко-

роля, и своими гримасами вызывал всеобщее веселье.

Meanwhile, Henry, taking advantage of the freedom granted him from the royal majesty, danced, but did not lose sight of Saint-Luc: now he called him to him and shared a witticism that had occurred to him, and each time, regardless of whether it was successful or not, the witticism caused the newlywed to burst into a fit of loud laughter; now he treated him to candied almonds and glazed fruits from his bonbonniere, and Saint-Luc invariably found them excellent. Тем временем Генрих, пользуясь дарованной ему свободой от королевского величия, танцевал, но при этом не терял из виду Сен-Люка: то подзывал его к себе и делился пришедшей в голову остротой, и всякий раз, независимо от того, удалась она или нет, острота вызывала у новобрачного приступ громкого смеха; то угощал его из своей бонбоньерки засахаренным миндалем и глазированными фруктами, и Сен-Люк неизменно находил их превосходными. As soon as Saint-Luc left the hall where the king was for a moment, even with the intention of greeting the guests in other halls, Henry immediately dispatched one of his relatives or courtiers after him, and the newlywed, beaming with smiles, returned to his master, and the king, seeing his favorite, found himself in an excellent mood. Стоило Сен-Люку на минуту отлучиться из той залы, где был король, хотя бы с намерением поприветствовать гостей в других залах, как Генрих тут же отряжал за ним одного из своих родственников или придворных, и сияющий улыбками новобрачный возвращался к

своему повелителю, а король, увидев своего любимца, обрета-
л превосходное расположение духа.

Suddenly, a noise so loud that it could not be drowned out by
the general confusion of sounds reached the royal ears. Внезапно
королевских ушей достиг настолько сильный шум, что его не
могла заглушить общая сумятица звуков.

- Hey! — Эге! - said Henry. — сказал Генрих. - I think
that's Chicot's voice. — Кажется, это голос Шико. Do you hear,
Saint-Luc? Слышишь, Сен-Люк? The King is angry. Король
изволит гневаться.

“Yes, sir,” replied Saint-Luc, without pretending to
understand the hint contained in these words, “it seems that he
has not got along with someone.” — Да, государь, — отозвался
Сен-Люк, не показывая вида, что уразумел намек, содержа-
щийся в этих словах, — похоже, что он с кем-то не поладил.

“Go and find out what happened there,” the king ordered,
“and report to me immediately.” — Поди узнай, что там случи-
лось, — распорядился король, — и немедленно доложи мне.

Saint-Luc went to carry out the order. Сен-Люк отправился
выполнять приказ.

And indeed, Chicot shouted loudly, imitating the king by
pronouncing the words through his nose: И в самом деле, Ши-
ко громко кричал, в подражание королю выговаривая слова
в нос:

— I have issued a heap of decrees against extravagance; if
they are not enough, I will issue new ones and will multiply them

and multiply them until they have their effect. — Я навывускал кучу указов против расточительства; если их мало, я выпускаю новые и буду их множить и множить, пока они не возымеют своего действия. If they are not good enough, let there at least be many of them. Коли они недостаточно хороши, пусть их, по крайней мере, будет много. By the horns of Beelzebub, my cousin, six pages, Monsieur de Bussy, is too much. Клянусь рогами Вельзевула, моего кузена, шесть пажей, господин де Бюсси, — это слишком.

And Chicot puffed out his cheeks, spread his legs wide and put his hands on his hips, achieving a complete resemblance to the king. И Шико надул щеки, широко расставил ноги и подбоченился, добившись полного сходства с королем.

“What is he chattering about Bussy?” — Что он там болтает о Бюсси? the king asked, frowning. — нахмурясь, спросил король.

By this time Saint-Luc had returned and was about to reply, but the crowd parted and revealed six pages, dressed in doublets of gold brocade and hung with necklaces; on the breast of each page shone the coat of arms of his master, embroidered with precious stones, in all the colors of the rainbow. К этому времени Сен-Люк вернулся и хотел ответить, но тут толпа расступилась и открыла их взорам шестерых пажей, одетых в камзолы из золотой парчи и увешанных ожерельями; на груди у каждого пажа всеми цветами радуги сиял герб его господина, расшитый драгоценными камнями. Behind the pages

came a handsome young man; he carried his proud head high and, with a contemptuous upward curling of his upper lip, cast haughty glances around. За пажами выступал красивый молодой мужчина; он высоко нес свою гордую голову и, презрительно вздернув верхнюю губу, бросал по сторонам надменные взоры. His severe robe of black velvet was in striking contrast to the rich attire of his pages. Его строгое платье из черного бархата разительно отличалось от богатых одежд его пажей.

- Bussy! — Бюсси! - voices rang out. — раздались голоса. - Bussy d'Amboise! — Бюсси д'Амбواز!

And the crowd, which had rushed to meet the new arrival, whose appearance had caused such a commotion in the hall, parted to allow him passage. И толпа, хлынувшая навстречу вновь прибывшему, появление которого вызвало в зале такой переполох, расступилась, давая ему проход.

Mogiron, Schomberg and Quelus surrounded the king, as if wishing to protect him from danger. Можирон, Шомберг и Келюс окружили короля, словно желая защитить его от опасности.

"Ah, so that's how it is, the servant is here, but the master is nowhere to be seen," said Maugiron, alluding to the unexpected appearance of Bussy and the absence of the Duke of Anjou, to whose retinue he belonged. — Ах, вот как, слуга здесь, а хозяйина что-то не видать, — сказал Можирон, намекая на неожиданное появление Бюсси и отсутствие герцога Анжуйского,

к свите которого тот принадлежал.

“Let’s wait,” remarked Kelus, “the servant’s own servants go before him, and the main master will perhaps appear after the master of the first six servants.” — Подождем, — заметил Келюс, — перед слугой идут его собственные слуги, а главный хозяин, может быть, появится после хозяина шести первых слуг.

“Look here, Saint-Luc,” intervened Schomberg, the youngest and therefore the most daring of King Henry’s minions. — Смотри-ка, Сен-Люк, — вмешался Шомберг, самый молодой, а посему и самый дерзкий миньон короля Генриха. “It seems that Monsieur de Bussy is not very respectful towards you. — Похоже, господин де Бюсси не слишком-то почтителен по отношению к тебе. Look, he is wearing a black doublet. Видишь — на нем черный камзол. What the hell! Какого черта! Is this an outfit for a wedding ball?” Разве это наряд для свадебного бала?

“No,” Kelus remarked, “this is mourning for a funeral.” — Нет, — заметил Келюс, — это траур для похорон.

“Is this his funeral, and is he not wearing mourning for himself?” — Уж не его ли это похороны и не надел ли он траур по самому себе? muttered Henry. — пробормотал Генрих.

“And yet, Saint-Luc,” said Maugiron, “the Duke of Anjou did not follow Bussy. — И при всем том, Сен-Люк, — сказал Можирон, — герцог Анжуйский не явился вслед за Бюсси. Have you really fallen into disgrace here too?” Неужели ты и тут по-

пал в немилость?

This meaningful “and then” pierced the newlywed to the very heart. Это многозначительное “и тут” кольнуло новобрачного в самое сердце.

“Well, why, exactly, is he obliged to appear after Bussy?” — Ну а почему, собственно, он обязан являться вслед за Бюсси? — Quelus picked up. — подхватил Келюс. — “Have you really forgotten: when His Majesty did the honor of Monsieur de Bussy and asked him whether he would like to belong to the king’s people, Bussy replied that, already belonging to the house of Clermont, he did not feel the need to belong to anyone else and was quite content with the opportunity to be his own master, for he was sure that in his own person he would find the best master in the world. — Неужто вы позабыли: когда его величество оказал честь господину де Бюсси и обратился к нему с вопросом, не желает ли он принадлежать к людям короля, то Бюсси ответил, что, уже принадлежа к дому Клермонов, он не испытывает необходимости принадлежать кому-то еще и вполне довольствуется возможностью быть хозяином самому себе, ибо уверен, что в собственной персоне обретет самого лучшего господина на свете.

The king frowned and bit his mustache. Король сдвинул брови и закусил ус.

“And, despite this,” said Maugiron, “it seems to me that Bussy nevertheless entered the retinue of the Duke of Anjou.” — И, несмотря на это, — сказал Можирон, — как мне кажется,

Бюсси все же поступил в свиту герцога Анжуйского.

“So what,” Kelus retorted phlegmatically, “it means he considered that the Duke was more powerful than our king.” — Ну и что же, — флегматично парировал Келюс, — значит, он счел, что герцог могущественнее нашего короля.

This remark deeply hurt Henry, who had hated the Duke of Anjou all his life in a brotherly way. Это замечание до глубины души задело Генриха, который всю свою жизнь по-братски ненавидел герцога Анжуйского. Therefore, although the king did not utter a word, everyone noticed that he turned pale. Поэтому, хотя король не произнес ни слова, все заметили, что он побледнел.

“Come on, gentlemen,” Saint-Luc, trembling with excitement, tried to calm the flaring passions, “spare my guests at least a little.” — Ну-ну, господа, — попытался утихомирить разгорающиеся страсти дрожавший от волнения Сен-Люк, — пощадите хоть немного моих гостей. “Don’t ruin my wedding day.” Не портите мне день свадьбы.

This plea seemed to turn Henry's thoughts in another direction. Эта мольба, по-видимому, направила мысли Генриха в другое русло.

“Indeed, let us not spoil Saint-Luc’s wedding day, gentlemen,” he said, twirling his moustache with a sly look that did not escape the poor newlywed. — В самом деле, не будем портить Сен-Люку день его свадьбы, господа, — сказал он, покручивая усы с лукавым видом, который не ускользнул от бедного но-

вобрачного.

“So what happens?” — Так что же выходит? exclaimed Schomberg. — воскликнул Шомберг. “Is Bussy now in alliance with the Brissacs?” — Бюсси нынче в союзе с Бриссаками?

“What made you think that?” — С чего ты это взял? asked Mogiron. — спросил Можирон.

— Because Saint-Luc stands by him like a mountain. — С того, что Сен-Люк стоит за него горой. Damn it! Черт побери! In this despicable world, everyone thinks only of themselves. В этом презренном мире каждый думает только о себе. I won't lie when I say that here we only protect our relatives, allies and friends. Я не солгу, сказав, что у нас защищают только своих родных, союзников и друзей.

“Gentlemen,” Saint-Luc replied, “Monsieur de Bussy is not my ally, not my friend, not my relative: he is my guest.” — Господа, — возразил Сен-Люк, — господин де Бюсси мне не союзник, не друг, не родственник: он мой гость.

Hearing these words, the king cast an angry glance at the speaker. Услышав эти слова, король бросил на говорившего злобный взгляд.

“And besides,” the unfortunate Saint-Luc, struck by the royal gaze, hastened to correct his mistake, “I have no intention of defending him at all.” — И, кроме того, — поторопился исправить свой промах несчастный Сен-Люк, сраженный королевским взором, — я вовсе не собираюсь его защищать.

Bussy, preceded by six pages, approached the king with

dignity, intending to greet him, but then Chicot, unable to bear it, shouted: Бюсси, предшествуемый шестеркой пажей, с достоинством приближался к королю, намереваясь его приветствовать, но тут Шико, не стерпев, закричал:

- Hey, you! — Эй, ты! Bussy! Бюсси! Bussy d'Amboise! Бюсси д'Амбуаз! Louis de Clermont! Луи де Клермон! Count de Bussy! Граф де Бюсси! You, apparently, won't be heard from until you list all your titles. Тебя, видать, не докличешься, пока не перечислишь всех твоих титулов. Can't you see where the real Henry is, can't you tell the king from the fool? Неужто ты не видишь, где настоящий Генрих, неужто не можешь отличить короля от дурака? The one you're striding towards so importantly is Chicot, my fool, my jester. Тот, к которому ты так важно вышагиваешь, — это Шико, мой дурак, мой шут. Sometimes he does such daring foolishness that I die laughing. Он порой вытворяет такие лихие дурачества, что я со смеху помираю.

However, Bussy continued on his way calmly and, having reached Henry, was about to bow before him, but then the king said: Однако Бюсси невозмутимо продолжал свой путь и, поравнявшись с Генрихом, уже хотел было склониться перед ним в поклоне, но тут король сказал:

- Don't you hear, Mr. de Bussy? — Разве вы не слышите, господин де Бюсси? You are being called. Вас зовут.

And to the loud laughter of the minions, he turned his back to the young man. И под громкий хохот миньонов повернулся

спиной к молодому человеку.

Bussy blushed with anger, but immediately pulled himself together. Бюсси покраснел от гнева, но тут же взял себя в руки. He pretended to take the king's words seriously, and, as if not hearing the jokes of Quelus, Schomberg and Maugiron and not seeing their insolent grins, he turned to Chicot: Он сделал вид, будто принимает всерьез слова короля, и, словно не слыша шуточек К ел юса, Шомберга и Можирона и невидя их наглых усмешек, обратился к Шико:

- Oh, forgive me, sir! — Ах, простите, государь! Some kings are so similar to jesters that it is very easy to make a mistake. Иные короли так похожи на шутов, что ошибиться весьма нетрудно. I hope you will forgive me for mistaking your jester for a king. Я надеюсь, вы извините меня за то, что я принял вашего шута за короля.

“What is it?” — Что такое? Henry said, turning to Bussy. — протянул Генрих, поворачиваясь к Бюсси. “What did he say?” — Что он сказал?

“Nothing, sir,” Saint-Luc hastened to respond, to whom, apparently, Heaven had destined to be a peacemaker all evening, “nothing, absolutely nothing.” — Ничего, государь, — поспешил отозваться Сен-Люк, которому, по-видимому, Небо предназначило весь этот вечер быть миротворцем, — ничего, ровным счетом ничего.

“No, Master Bussy,” said Chicot, rising on his toes and puffing out his cheeks, as the king did when he wanted to give himself

a majestic appearance, "your behavior is inexcusable." — Нет, мэтр Бюсси, — изрек Шико, поднявшись на носки и надув щеки, как это делал король, желая придать себе величественный вид, — ваше поведение непростительно.

"Please forgive me, sir," Bussy humbly begged, "I was lost in thought." — Прошу извинить меня, государь, — смиренно молил Бюсси, — я задумался.

- About what? — О чем? About your pages, sir, I suppose? Небось, о своих пажах, сударь? - Chicot asked irritably. — раздраженно спросил Шико. - You will ruin yourself on these boys, and, damn it, you are clearly encroaching on our royal prerogatives. — Да вы разоритесь на этих мальчишках, и, черт возьми, вы явно покушаетесь на наши королевские prerogatives.

"But how?" — Но каким образом? Bussy inquired respectfully; he understood that by allowing the jester to take his place, the king had put himself in a ridiculous position. — почтительно осведомился Бюсси; он понимал, что, позволив шуту занять свое место, король поставил себя в смешное положение. "I beg your Majesty to explain, and if I have indeed made a mistake, well, I confess it with all humility. — Прошу ваше величество объясниться, и если я действительно допустил ошибку, ну что ж, я признаюсь в этом со всем смирением.

"Dress up all the rabble in gold brocade," Chicot pointed his finger at the pages, "and you, you, a nobleman, a colonel, a scion

of the Clermonts, almost a prince, finally, you appear at the ball in simple black velvet.” — Рядите в золотую парчу всякий сброд, — Шико ткнул пальцем в пажей, — а вы, вы, дворянин, полковник, отпрыск Клермонов, почти принц, наконец, — вы являетесь на бал в простом черном бархате.

“Sire,” Bussy said loudly, turning to the king’s minions, “I do this because even in our time, all kinds of rabble dress up like princes, and good taste requires princes to distinguish themselves by dressing like all kinds of rabble.” — Государь, — громко сказал Бюсси, поворачиваясь к миньонам короля, — я поступаю так потому, что и в наше время всякий сброд наряжается, как принцы, и хороший вкустребует от принцев, чтобы они отличали себя, одеваясь, как всякий сброд.

And he returned to the young minions, drowning in the glitter of jewels, a grin no less contemptuous than those with which they had awarded him a minute ago. И он вернул молодым миньонам, утопающим в блеске драгоценностей, усмешку не менее презрительную, чем те, которыми они наградили его минуту назад.

Henry looked at his favorites, pale with rage: it seemed that if he only said the word, they would rush at Bussy. Генрих посмотрел на своих любимцев, побледневших от ярости: казалось, скажи он только слово, и они бросятся на Бюсси. Celus, who was more angry than the others with Bussy and would have fought him long ago if the king had not forbidden him, put his hand on the hilt of his sword. Келюс, который больше других

был зол на Бюсси и давно бы схватился с ним, не запрети ему этого король, положил руку на эфес шпаги.

“Are you hinting at me and my people?” — Уж не намекаете ли вы на меня и моих людей? exclaimed Chicot. — воскликнул Шико.

Having usurped the king's place, he uttered the words that befitted Henry. Узурпировав место короля, он произнес те слова, которые подобало произнести Генриху. But the jester puffed himself up so dramatically and was so ridiculous that half the hall burst into laughter. Но при этом шут так картинно напыжился и был настолько смешон, что половина зала разразилась хохотом. The other half remained silent for a very simple reason: those who laughed laughed at them. Другая половина молчала по очень простой причине: те, кто смеялся, смеялись над ними.

Three of Bussy's friends, sensing a skirmish, rallied around him. Трое друзей Бюсси, почуяв назревавшую стычку, сплотились вокруг него. They were Charles Balzac d'Antragues - better known as Antragues, François d'Audy, Viscount de Ribeyrac, and Livarot. Это были Шарль Бальзак д'Антрагэ — более известный под именем Антрагэ, Франсуа д'Оди, виконт де Рибейрак, и Ливаро.

Seeing such preparations for hostile action, Saint-Luc guessed that Bussy had come on the Duke's orders to cause a scandal or to challenge someone. Увидев такую подготовку к враждебным действиям, Сен-Люк догадался, что Бюсси пришел по

поручению герцога с целью учинить скандал или бросить кому-нибудь вызов. At this thought, Saint-Luc shuddered; he felt himself caught between two powerful and angry opponents who had chosen his home as a battlefield. Приэтой мысли Сен-Люк вздрогнул, он почувствовал себя зажатым между двумя могущественными и распаленными гневом противниками, избравшими его дом полем сражения.

The unfortunate newlywed hurried to Celus, whose excited appearance was obvious to everyone, put his hand on his fingers, which were clutching the hilt of his sword, and began to admonish him: Несчастный новобрачный поспешил к Келюсу, возбужденный вид которого всем бросался в глаза, положил руку на его пальцы, сжимавшие эфес шпаги, и стал увещевать его:

- For God's sake, my friend, calm down. — Бога ради, дружище, уймись. Wait, our time will come. Подожди, наш час еще придет.

- Damn it! — Проклятье! Calm down yourself, if you can! Уймись сам, если можешь! - shouted Celus. — закричал Келюс. — After all, the slap of this insolent man hurt you no less than me. — Ведь пощечина этого наглеца задела тебя не меньше, чем меня. He who insults one of us insults us all, and he who insults us all insults the king. Кто оскорбил одного из нас, тот оскорбил нас всех, а кто оскорбил нас всех — оскорбил короля.

“Kelus, Kelus,” Saint-Luc persisted, “think of the Duke of

Anjou, he is the one standing behind Bussy.” — Келюс, Келюс, — не отставал Сен-Люк, — подумай о герцоге Анжуйском, это он стоит за спиной Бюсси. True, he is not here, but we must be even more on our guard; he is invisible, but that makes him all the more dangerous. Правда, его здесь нет, но тем более нам надо быть настороже, он невидим, но тем он опаснее. I hope you will not offend me by suspecting that it is the servant, not the master, that I am afraid of? Надеюсь, ты не оскорбишь меня подозрением, что мне страшен слуга, а не господин?

- The devil! — Дьяволищина! Who could be afraid of the people of the French king? Да кто может быть страшен людям французского короля? If we are exposed to danger while fighting for the king, then the king will be able to protect us. Если мы подвергнемся опасности, сражаясь за короля, то король сумеет защитить нас.

“You, yes, but not me,” Saint-Luc said plaintively. — Тебя — да, но не меня, — жалобно сказал Сен-Люк.

- Oh, may you be damned! — Ах, пропади ты пропадом! And what the hell did you think of getting married for?! И какого дьявола ты вздумал жениться?! After all, you know how jealous the king is of his friends. Ведь ты знаешь, как ревнует король своих друзей.

“Okay,” thought Saint-Luc, “since everyone thinks only of themselves, then let’s not forget about ourselves either. “Ладно, — подумал Сен-Люк, — раз уж каждый думает только о себе, то не будем и мы о себе забывать. I want to live peacefully

for at least the first two weeks after the wedding, and for that I need to appease the Duke of Anjou.” Я хочу прожить спокойно хотя бы первые две недели после свадьбы, а для этого мне надо задобрить герцога Анжуйского”.

With these thoughts he left Celus and went to Bussy. С этими мыслями он оставил Келюса и направился к Бюсси.

Bussy stood with his head held high and looked around at those present. Бюсси стоял с гордо поднятой головой и обводил взглядом присутствующих. He was completely absorbed in listening, hoping to catch some insolence directed at him in response to the insults they hurled at him. Он весь ушел в слух, надеясь в ответ на брошенные ими оскорбления уловить какую-нибудь дерзость по своему адресу. But no one looked at him, everyone maintained a stubborn silence: some were afraid of incurring the king's disapproval, others the disapproval of Bussy. Но никто на него не смотрел, все хранили упорное молчание: одни опасались вызвать неодобрение короля, другие — неодобрение Бюсси.

The latter, seeing Saint-Luc approaching him, decided that he had finally achieved his goal. Последний, увидев приближающегося к нему Сен-Люка, решил, что наконец-то добился своего.

“Sir,” he said to the owner of the house, “it seems that you wish to talk with me, and I probably owe this honor to the words I have just spoken?” — Сударь, — обратился он к хозяину дома, — по-видимому, вы желаете побеседовать со мной, и,

наверное, я обязан этой честью тем словам, которые только что произнес?

“The words you just uttered?” — Словам, которые вы только что произнесли? Saint-Luc asked with the most ingenuous air. — с самым простодушным видом переспросил Сен-Люк. “And what, in fact, did you say?” — А что, собственно, вы произнесли? “I heard nothing, I assure you.” Я ничего не слышал, уверяю вас. “I simply saw you and was glad that I could indulge myself in greeting such an illustrious guest and thanking him for the honor he has shown my house.” Я просто увидел вас и обрадовался, что могу доставить себе удовольствие поприветствовать столь высокого гостя и поблагодарить его за честь, оказанную моему дому.

Bussy was an extraordinary man in every respect: bold to the point of recklessness, but at the same time educated, witty, and well-bred. Бюсси был человек незаурядный во всех отношениях: смелый до безрассудства, но и в то же время образованный, остроумный и прекрасно воспитанный. Knowing Saint-Luc's undoubted courage, he realized that the duty of hospitality had prevailed over the refined scrupulousness of a courtier. Зная несомненное мужество Сен-Люка, он понял, что долг гостеприимства одержал в нем верх над утонченной щепетильностью придворного. To anyone else, Bussy would not have failed to repeat the phrase he had just said, that is, to challenge him to his face, but, disarmed by Saint-Luc's friendliness, he made him a polite bow and uttered a few

pleasantries. Всякому другому Бюсси не преминул бы слово в слово повторить сказанную им фразу, то есть бросить вызов в лицо, но, обезоруженный дружелюбием Сен-Люка, он отвесил ему вежливый поклон и произнес несколько любезностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.